

Киреев А. А. К старокатолическому вопросу: Ответ проф. А. Ф. Гусеву // Богословский вестник 1897. Т. 2. № 6. С. 418–426 (2-я пагин.). (Окончание.)

Къ старо-католическому вопросу.

Отвѣтъ профессору А. Ф. Гусеву.

Неожиданный отъѣздъ мой въ Англію лишаетъ меня возможности отвѣтить съ желательной обстоятельностью и подробностію на интересное письмо ко мнѣ уважаемаго профессора А. Ф. Гусева; ограничусь представлениемъ хотя и наскоро нѣкоторыхъ, наиболѣе важныхъ, соображеній, относящихся спеціально ко мнѣ, — къ тому, что высказано мною въ статьѣ Богословскаго Вѣстника „Къ старо-католическому вопросу“ (№ 2). Я надѣюсь, что проф. Лангенъ и его товарищи будутъ имѣть возможность не только непосредственно познакомиться съ тезисами профессора Гусева, но и отвѣтить на нихъ.

Мнѣ не разъ приходилось полемизировать по поводу старо-католицизма. Обыкновенно полемика вращалась около вопросовъ туманныхъ и неопредѣленныхъ, около общихъ мѣстъ, на которыя очень трудно было отвѣчать обстоятельно и конкретно. Такъ напр. указывалось на то, что „духъ“ старо-католиковъ, складъ ихъ ума не похожъ на нашъ, „русскій духъ“; что всякій православный долженъ быть на насъ похожъ не только въ отношеніи своего догматическаго ученія, но еще и въ чемъ-то остальномъ. Точно, подумаешь, православный японецъ или китаецъ на насъ „похожи“! То указывалось на то, что старо-католики — „бунтовщики“, что они возстали на свое „начальство“, такъ какъ же намъ съ ними дружить!? Точно мы признаемъ ихъ бывшее начальство законнымъ и православнымъ! Когда начальство впадаетъ въ ересь, — какое же оно начальство?. Указывалось и на то, что ихъ мало, при чемъ забывалась малочисленность населенія патріархатовъ: Іерусалимскаго, Антиохійскаго и въ особенности Александрійскаго.

Нѣкоторые усердствующіе говорили еще, что хотя старо-католики и вѣруютъ точно также какъ и христіане вселенской семисоборной церкви, но что эта древняя церковь очень отъ насъ отдалена; что нужно считаться не съ тѣмъ, что было, а съ тѣмъ, что есть; что тождества съ догматомъ вселенской церкви еще недостаточно, что нужно къ этому еще что-то такое прибавить,—что-то очень хорошее и новое, придуманное впоследствии. Нѣкоторые, наконецъ, забывая совершенно христіанское братолобіе, требуютъ отъ старо-католиковъ какого-то низконоклонническаго смиренія, передъ ихъ, „нѣкоторыхъ“, величіемъ, забывая или не соображая, что ст.-католики не просятъ какихъ-либо нашихъ милостей, не просятъ присоединенія къ нашей русской церкви, а лишь признанія тождественности ихъ догматическаго ученія съ таковымъ же древней вселенской церкви... Всѣхъ этихъ или туманныхъ или совершенно неосновательныхъ требованій мы у А. Θ. Гусева не находимъ; его обвиненія ясны и конкретны, а это очень облегчаетъ полемику. Итакъ,—что же говорить собственно противъ меня г. Гусевъ?

Напомню читателямъ, что въ означенной моей статьѣ „Богосл. Вѣстника“ я говорилъ о Filioque и о Трансубстанціаціи. Относительно перваго я выражалъ мысль, что одно изъ допустимыхъ, по моему мнѣнію, толкованій Filioque, совмѣстимое съ ученіемъ церкви, но очень дурно выраженное словомъ Filioque, состоитъ въ признаніи за Христомъ *вѣчнаго* свойства, *вѣчной* силы и *способности* посланія Св. Духа. Относительно выраженія „Transsubstantiatio“ (переводимаго у насъ словомъ пресуществленіе) я говорилъ, что оно столь же неудачно какъ и „Filioque“, что его не слѣдуетъ навязывать ст.-католикамъ, ибо оно, принадлежа къ области философіи, не выдерживаетъ философской критики; говорилъ, что выраженія этого не знала древняя церковь, что мы безъ него прожили шестнадцать вѣковъ, что литургія наша его не знаетъ, и что, наконецъ, оно не находится въ чинѣ присоединенія инославныхъ, при чемъ я выражалъ увѣренность, что церковь, установившая этотъ чинъ, знала и знаетъ, что требуется для того, чтобы быть православнымъ христіаниномъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ я считалъ и считаю, что тре-

бовать отъ ст. католиковъ введенія этого слова въ ихъ литургію и катихизисы—неосновательно.

На это почтеннѣйшій А. Θ. Гусевъ, (который, я долженъ сказать, совершенно вѣрно и добросовѣстно—точно воспроизводитъ и резюмируетъ мои аргументы) возражаетъ (вкратцѣ) слѣдующее:

(По Filioque). Стр. 7 и 8. Проф. Гусевъ говоритъ, что фактъ посланія Св. Духа Христомъ „прежде и болѣе всего говоритъ о нравственномъ *правѣ* Христа посылать во времени Св. Духа въ міръ“. Дѣло не въ способности или силѣ посланія думаетъ онъ, а „*въ правѣ*“. Но право это между лицами Св. Троицы принадлежитъ преимущественно Отцу (при этомъ г. Гусевъ ссылается и на примѣръ отца въ семьѣ или Царя въ обществѣ). Хотя, говоритъ онъ, право Христа (стр. 12), дарованное Ему Отцомъ, и выразилось во времени, но „мы должны признавать это право дарованнымъ Ему Отцемъ—отъ сотворенія міра, т. е. отъ вѣчности.

Позволю себѣ на этомъ остановиться. Я имѣю полное основаніе присоединиться къ аргументаціи моего оппонента. Я говорилъ, что мы должны признать за Сыномъ *вѣчную способность, силу* посланія, и что въ этомъ смыслѣ мы и можемъ понимать „Filioque“, безъ нарушенія вселенскаго ученія о Св. Троицѣ, что Сынъ одаренъ *вѣчно* способностію посланія. Профессоръ Гусевъ признаетъ за Нимъ вѣчное *право* посланія. На стр. 23 проф. Гусевъ говоритъ: „Полученіе Сыномъ отъ Отца нравственнаго права посольства Духа въ міръ связало съ *вѣчными* личнымъ свойствомъ Сына Божія. Въ этомъ-то личномъ свойствѣ Сына, не временномъ, а вѣчномъ, такимъ образомъ заключается вѣчное основаніе для вѣчныхъ же взаимныхъ отношеній между Нимъ и Св. Духомъ“. Повторяю, я съ этимъ готовъ помириться, вѣдь всякое *право*, даруемое кому бы то нибыло, предполагаетъ и *способность, силу, свойство* его примѣненія къ жизни, стало быть, если у Сына вѣчное *право* посланія, хотя бы и сообщенное Ему Отцемъ, то у Него есть и *вѣчная* способность, сила, свойство онаго. Далѣе этого и я не иду и не шель!

Остальная аргументація проф. А. Θ. Гусева относится не столько ко мнѣ, сколько къ старо-католикамъ, поэтому

я ограничусь лишь слѣдующимъ: если такіе люди, какъ Іоаннъ Дамаскинъ, о которомъ упоминаетъ и А. О. Гусевъ, не только великій Святой, но и послѣдній воликій Отецъ Церкви, признаваемый таковымъ и Востокомъ и Западомъ, розумировавшій всю тогдашнюю богословскую науку, принималъ несомнѣнно ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца „*черезъ Сына*“, то и мы можемъ думать тоже ¹⁾. У Дамаскина мысль объ отношеніяхъ св. Впостасей выражена м. пр. въ слѣд. выраженіяхъ, безусловно православныхъ и исключаящихъ всякій намекъ на двойственный источникъ Божества, а именно: „Св. Духъ есть впостасное (лично) исхождение и произведеніе хотя изъ Отца, но принадлежащее Сыну, и *не изъ Сына*, какъ Духъ устъ Божіихъ, извѣщающей Слово“. Пум. Trisag. 28. Далѣе: „Духъ есть сила Отца, проявляющая сокровенное въ Божествѣ, исходящая изъ Отца *черезъ Сына*“ (De Fide. Orth I, 12) и „Духъ Сына, не какъ изъ Него, но какъ *черезъ* Него исходящей изъ Отца (прот. Манихеевъ 5)...“

Мнѣ кажется, что авторитетъ І. Дамаскина совершенно достаточенъ для успокоенія наиправославнѣйшаго изъ новыхъ богослововъ!

На этомъ я и считаю возможнымъ остановиться, такъ какъ мои сомнѣнія на счетъ допустимости мнѣнія, что Христосъ получилъ право и силу посланія Св. Духа въ міръ въ награду за свою крестную смерть, были высказаны мною лишь инцидентно, по поводу моего тезиса о принадлежащемъ Сыну *въчномъ свойствѣ* посланія Св. Духа. Добавлю впрочемъ, что сомнѣнія эти я считаю законными и послѣ прочтенія брошюры А. О. Гусева. Но, повторяю, это вопросъ инцидентный.

Перехожу къ слову „Transsubstantiatio“, „пресуществленіе“ и (NB) имѣю опять-таки въ виду собственно то, что достоуважаемый проф. Гусевъ возражаетъ *мнѣ* ²⁾.

И долженъ замѣтить, что вообще въ толкахъ о пресу-

1) Это, конечно, не узаконяетъ вставку „*Etique*“ въ символъ. Вставка эта, какъ незаконная, должна быть несомнѣнно устранена.

2) Полагаю, что и относительно этого вопроса ст.-католическіе ученые не затруднятся выставить свои аргументы, тѣмъ болѣе, что вопросъ о преложеніи становится на чисто философскую почву, а тутъ нѣмцы, конечно, у себя—дома!

ществованіи у насъ царить нѣкоторая неясность. Мы, восточные, привыкли смотрѣть на это выраженіе, какъ на совершенно равно-значущее выраженію „преложеніе“, но эта мысль не вѣрная. Слово преложеніе выражаетъ фактъ, оно „констатируетъ“, что хлѣбъ и вино *становятся* тѣломъ и кровью Христа, это древнее ученіе во всей его простотѣ, соотвѣтствующее словамъ Христа, взявшаго хлѣбъ и сказавшаго: *сіе есть тѣло мое* etc.; это—то, что каждый причащающійся обязанъ признавать, приступая къ таинству Евхаристіи. „Transsubstantiatio“ представляетъ уже несомнѣнную претензію на нѣкоторое объясненіе словъ Христа, на разъясненіе того, что происходитъ съ хлѣбомъ и виномъ. Выходитъ нѣчто неудачное и столь-же излишнее, какъ и „Filioque“. Не должно забывать, что если у насъ на Востокѣ изъ за этого слова (пресуществленіе) проливались и проливаются чернила, то на Западѣ изъ-за него проливалась кровь, а это дѣло совсѣмъ другаго рода. Намъ оба выраженія кажутся совершенно равнозначущими, по этому нѣкоторые у насъ и говорятъ западнымъ христіанамъ: да если Вы признаете *преложеніе*, Вы должны признавать и *пресуществленіе*, а когда они отъ этого отказываются, мы говоримъ—видите, Вы отвергаете *пресуществленіе*, стало быть отвергаете и *преложеніе*.... Вы протестанты etc. etc. etc... На дѣлѣ—оказывается совсѣмъ не то. Вѣдь ту-же аргументацію можно обратить и къ намъ: если признать, что оба выраженія тождественны, то почему же мы непременно требуемъ, чтобы ст.-католики дополнили мысль и слова Христа (*сіе есть*) и приняли бы слово (котораго нѣтъ и въ нашихъ литургіяхъ), измышленное на западѣ и введенное въ наши учебники какъ полемическое оружіе?

Проф. А. О. Гусевъ становится на философскую точку зрѣнія (въ чемъ онъ, конечно, правъ, ибо и вопросъ о пресуществленіи—чисто философскаго свойства) и утверждаетъ что пользованіе философскими аргументами дозволительно. Это несомнѣнно; какъ извѣстно, и Отцы Церкви изучали философію и, конечно, не менѣ насъ (хотя бы и тотъ-же Дамаскинъ). Я вѣдь не укоряю папистовъ за то, что они, защищая слово Transsubstantiatio, обращаются къ помощи философіи, а за то, что философія, ими для сего избранная,

нѣсколько устарѣла. Аристотель, не смотря на все свое величіе, едва ли можетъ служить надежной точкою опоры въ современныхъ спорахъ о субстанціи. Проф. Гусевъ говоритъ (стр. 25), что я впадаю въ противорѣчіе, что говоря о субстанціи я признаю ее то *отвлеченнымъ понятіемъ* (т. е. чѣмъ-то несуществующимъ), то *предполагаемымъ* основаніемъ всего нами ощущаемаго; а основаніе, говоритъ онъ, хотя бы и *предполагаемое*, все же есть „вещь“, т. е. нѣчто реальное (Res.). Это не совсѣмъ такъ. Предположеніе не сообщаетъ никакой реальности предполагаемому. Я именно и говорю, что это основаніе *предполагается* для удобства нашихъ разсужденій, что ее самое, т. е. субстанцію, понять и объяснить нельзя; точно также напр. предполагаются и атомы,—это чисто „entes rationis“, до которыхъ мы ни коимъ образомъ не доберемся и реальности которыхъ мы доказать не можемъ. Полагаю, что вводить нашихъ читателей въ средне-вѣковой споръ реалистовъ съ номиналистами едва-ли цѣлесообразно. Лейбницевскія монады, на которыя указываетъ мой критикъ, тоже едва ли много разъяснятъ вопросъ о субстанціи. Лейбницевы монады (которыя вѣдь то-же entes rationis), были, по мысли Лейбница, субстанціи живыя, какъ бы души предметовъ, измѣнявшіяся въ самихъ себѣ и группировавшіяся около центральной монады всего сущаго, т. е. Бога. Его субстанціи мало помогутъ намъ въ дѣлѣ Трансубстанціаціи“ и по дадутъ намъ прочныхъ основаній для объясненіе евхаристическаго чуда. Да, наконецъ, и сама философія Лейбница устарѣла. Проф. Гусевъ, ссылаясь на Кантову „res an sich“ прибавляетъ, что „субстанція существуетъ реально и независимо отъ нашей воли“. Еслибы даже и такъ, то именно Кантъ долженъ бы предостеречь насъ отъ увлеченій Аристотелемъ и Лейбницемъ. Кантъ именно и учитъ, что это „Res an sich“ не досягаема для нашего пониманія. именно какъ „an sich“, и что если и предположить, что *такихъ* вещей много (къ чему у Канта, конечно, подтвержденія никакъ не окажется), то разсуждать о нихъ и увѣрять, что одна изъ нихъ можетъ переходить въ другую—болѣе чѣмъ рискованно. Что касается до моей мысли о субстанціальной предполагаемой основѣ, даже если въ ней видѣть нѣчто *реальное*, то это „нѣчто“—во всякомъ случаѣ должно мыслиться—*единицею* для всего міра и уже никакъ

не способнымъ передѣлываться само въ себя, пересубстанціироваться.

У проф. Гусева стр. 24 высказана мысль, что еслибы философствованіе о сихъ вопросахъ оказалось неудачнымъ, еслибы эти (философскія) понятія оказались непримѣнными, „то слѣдуетъ только отрѣшиться отъ нихъ“. „Не должно отмѣнять *слово*, съ которымъ связывалось ложное понятіе, а слѣдуетъ лишь связать съ нимъ *надлежащій смыслъ*, — смыслъ, *соответствующій истинѣ*“. Но тогда не лучше ли отказаться отъ этого неудачнаго слова и остаться при выраженіи, которое было въ постоянномъ употребленіи древней церкви? Остаться при томъ словѣ, которымъ церковь довольствовалась болѣе полуторы тысячи лѣтъ, да которымъ она довольствуется и нынѣ? Проф. Гусевъ говоритъ стр. 25: „что же препятствуетъ ст.-католикамъ употребить терминъ *пресуществованіе*, но соединять съ нимъ правильное понятіе, чуждое не одной только *непригодной* аристотелево-метафизической закваски, но и *всякой* „непригодной закваски?“ Но вѣдь иное слово и не поддается такой операци, въ особенности философскіе термины. Если нѣкоторые смотрятъ такъ различно на слово „пресуществованіе“, то не лучше-ли, не вѣриѣ-ли вовсе на немъ не настаивать, благо оно никому не нужно, и можетъ или, вѣриѣ, могло служить лишь полемическимъ оружіемъ, для отвращенія неправильныхъ (можетъ быть) обвиненій Кирилла Лукариса въ протестантствѣ.

Пр. Гусевъ основательно доказываетъ мнѣ (стр. 27), что „съ научной точки зрѣнія ничего нельзя сказать противъ того, что христіанинъ приобщается въ таинствѣ Евхаристіи истиннаго тѣла и истинной крови Богочеловѣка“; но вѣдь я противъ этого и не возражаю, да и ст.-католики не думаютъ возражать, такъ какъ они несомнѣнно вѣрятъ въ преложеніе (*Wandlung*). Они были-бы очень удивлены такому обвиненію и могли-бы отвѣтить: стало быть и отцы церкви, которые не употребляли сего слова тоже могли быть заподозрѣны въ томъ, что „ѣли и пили *недостойнѣ*“? Они протестуютъ лишь противъ навязываемаго имъ никому не нужнаго (или нужнаго лишь однимъ папистамъ) „пресуществованія“. Выраженіе это (*Transsubstantiatio*), пишетъ мнѣ одинъ изъ лучшихъ нашихъ филологовъ, варварское и но-

вое, не находится въ лучшихъ лексиконахъ (даже въ столь многотомныхъ какъ Форцеллина и Фрейпда), придумано оно „*ad usum raucogum*“. Вѣрно! Если оно равнозначуще съ предложениемъ, пусть оно и останется *ad usum* тѣхъ мало-численныхъ (*raucogum*), которые мирятся съ тѣми несомнѣнными затрудненіями, которыя оно за собою влечетъ!

Мой почтенный оппонентъ не признаетъ этихъ затрудненій; онъ говоритъ, что напрасно, при обсужденіи сего вопроса, вводить такъ много разныхъ соображеній почерпнутыхъ изъ философіи или естественныхъ наукъ; что въ этомъ вопросѣ слѣдуетъ „руководствоваться (28) обычнымъ здравымъ понятіемъ о *субстанціальномъ* и *несубстанціальномъ*, о дѣйствительномъ и кажущемся только“. Понятія эти, думаетъ Г. Гусевъ, доступны каждому размышляющему человѣку. И этого никакъ не могу допустить. Даже „безграмотный мужикъ“, думаетъ почтенный профессоръ, можетъ прилагать такія понятія къ сферѣ своихъ наблюденій. Но вѣдь если говорится о „субстанціальномъ“ или „несубстанціальномъ“, то очевидно нужно знать, что такое „субстанція“, а, какъ оказывается, о субстанціи можно толковать цѣлые часы и дни и все-таки не столкнуться! Дѣло, стало-быть, не такъ элементарно-просто, какъ, повидимому, полагаетъ мой уважаемый оппонентъ. Зачѣмъ же намъ вводить такія слова, въ особенности когда безъ нихъ можно обойтись? Церковь говоритъ: „*Sic est* тѣло, *sic est* кровь“, и я этому вѣрю, и повторяю эти слова, приступая къ страшному и великому таинству, приступая съ трепетомъ и надеждою..., а мнѣ говорятъ: ты еще пойми, что тутъ происходитъ превращеніе *одной субстанціи* въ другую! Пѣтъ; не усилится отъ этого моя вѣра! Пусть всякіе эти *Filioque*, *Transsubstantiatio* остаются удѣломъ богослововъ; Церковь въ нихъ не нуждается. Имъ мѣсто въ школѣ, пусть они и остаются школьными мнѣніями, ни для кого не обязательными (*Schulmeinungen*).

Проф. Гусевъ говоритъ, что (стр. 35) древніе отцы церкви, „не придя еще къ слову *пресуществленіе*“, употребляли слова недостаточныя, „*термины, сами по себѣ еще не выражающіе надлежащимъ образомъ мысль церкви*“... Думается мнѣ, что Отцы Церкви были въ состояніи выразить все, что хотѣли выразить, и не нуждались для

этого ни въ помощи Ратрамна, изобрѣтагеля „Transsubstantiatio, ни въ убѣдительныхъ аргументахъ Г-на Де-Нуантеля, посланника Людвига XIV въ Константинополь.

На замѣчаніе мое, что въ чинѣ присоединенія лютеранъ нѣтъ слова „пресуществленіе“ и что Церковь несомнѣнно знаетъ, что нужно и чего не нужно требовать отъ присоединяющихся, (въ данномъ случаѣ она стало-быть не считаетъ нужнымъ требовать отъ присоединяющагося вѣры въ „пресуществленіе“) почтенный мой оппонентъ утверждаетъ, что это „ничего иного не говорить, исключая того, что это *неупоминаніе* должно (!) *наконецъ перейти въ упоминаніе*“. Смѣю надѣяться, что такая надежда не осуществится ни „въ ближайшемъ“, какъ думаетъ А. О., ни въ дальнѣйшемъ будущемъ!

А. Курьевъ.

Павловскъ
28 Мая 1897.
